

С. В. ЛУРЬЕ

**«МНОГОКРОВКИ»: ОСОБЕННОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ «ТЯГУБЯ» —
ПОТОМКОВ ОТ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ БРАКОВ
РОССИЙСКИХ КОРЕЙЦЕВ**

Имеются некоторые общие особенности самоидентификации потомков от межэтнических браков. Однако у каждого народа его «метисы» обладают характерными чертами. Мы сопоставим потомков от смешанных браков представителей ряда народов, основываясь как на публикациях некоторых российских авторов, так и на примере нашего собственного анализа нарративов потомков от смешанных браков российских корейцев — тягубя. Характерной особенностью тягубя является то, что они редко приписывают себя однозначно к русским или корейцам, а также редко имеют космополитическую самоидентификацию. Скорее надо выделить два типа самоидентификации полукорейцев, которые можно определить как позитивную и негативную. Тягубя либо подчеркнуто не относят себя ни к тем, ни к другим — ни к корейцам, ни к русским, либо относят себя сразу и к тем, и к другим, называя себя «многокровками», выпитывающими и каким-то особым образом преломляющими в себе две столь различные культуры.

Ключевые слова: межэтнический брак, потомки от межэтнических браков, этническая самоидентификация, ассимиляция.

LOURIÉ SVETLANA V.

**“MULTIBLOODS”: A FEATURE OF THE FORMATION
ETHNIC IDENTITY “TYAGUBYA” — DESCENDANTS FROM
INTER-ETHNIC MARRIAGES OF RUSSIAN KOREANS**

There are some common features of self-identification of descendants from interethnic marriages. However, each nation has its own characteristics for the “mestizo”. We will compare the descendants from mixed marriages of representatives of a number of peoples. We have used publications of some Russian authors, as well as our own analysis of stories of descendants from mixed marriages of Russian Koreans — “tyagubya”. A characteristic feature of tyagubya is that they rarely identify themselves unambiguously as Russians or Koreans, and also rarely have a cosmopolitan self-identification. Rather, two types of self-identification of half-Koreans should be distinguished, which can be defined as positive and negative. Tyagubya either categorically does not refer

to themselves as either Koreans or Russians, or they refer to both at once, calling themselves “multibloods”, absorbing and refracting in a special way two very different cultures.

Keywords: interethnic marriage, descendants from interethnic marriages, ethnic self-identification, assimilation.

«Я метис, отлично мне живется. И многочисленным знакомым полукровкам тоже. Этот мир будет наш! И совершенно непонятно, зачем нас так дефицитарно “полукровками” принято звать. Многокровки мы», — утверждает девушка со смешанной русско-украинско-корейской кровью (Елена Стеблянко, 11 ноя 2014 в 23:56). Она спорит с привычным определением «метисов» как людей с точки зрения этнической самоидентификации маргинальных (а именно так о них говорят практически все исследователи, затрагивающие тему потомков от смешанных браков) и говорит о некой новой сущности, которая не теряется, а приобретает со смешением кровей. Крайне редко указывают на случаи положительной самоидентификации «метиса», чаще о переживаемом им внутреннем конфликте¹. Это действительно встречается. Но ведь пути этнической самоидентификации «полукровок» могут быть очень разнообразны, что порой не замечают исследователи, сконцентрировавшись на потомках представителей какого-либо одного народа. В самоидентификации «метисов» есть, конечно, типовые моменты, которые повторяются от народа к народу. Но есть и особенности, которые разнятся у разных народов. Причем последние отражают, с одной стороны, этнокультурную специфику самовосприятия народов, чьи представители вступают в межэтнические браки и порождают детей, которым необходимо как-то самоопределиваться в этническом плане. С другой стороны, они отражают включенность в социокультурные сценарии тех или иных народов метисов, полукровок. Этой темы мы и хотим коснуться в своей работе и показать, что «метисы» — не всегда маргиналы, они могут иметь самостоятельное значение в той или иной культуре. Например, с точки зрения адаптации народа в иноэтнической среде. Порой «метисы» имеют важное значение и для самоидентификации самой диаспоры, ее чистокровных представителей, особенно в случае, если диаспора имеет тенденцию к ассимиляции в стране проживания. Мы покажем

¹ Е. М. Галкина пишет, например, что этническая идентичность у «метиса» «может выступать источником внутриличностного дискомфорта, когда его [ребенка] этническая полинаправленность и вариативность противоречат фиксированным этническим ориентациям окружающей действительности» (Галкина 1993: 23).

это на примере тягубя — так по-корейски называются полукорейцы, корейцы-«полукровки».

Но прежде чем мы обратимся к специфике самоидентификации тягубя, рассмотрим и сравним ряд примеров описания детей из смешанных семей разных народов, предпринятых различными исследователями. Наше собственное исследование тягубя будет основано на материалах особой дискуссии, посвященной потомкам от смешанных браков, на странице «Russian Koreans — Корейцы СНГ — 고려사람» ВКонтакте (https://vk.com/topic-34822693_27877908), которая ведется с начала 2013 г. по настоящее время и насчитывает уже (на 30 июля 2020 г.) 662 поста. Среди участников дискуссии много потомков от смешанных браков, которые пишут о личном опыте этнической самоидентификации, а также корейцы или русские, состоящие в смешанных браках, которые рассказывают о своих детях — тягубя, «тягубяшках».

Итак: что об этнической самоидентификации «метисов» пишут в научной литературе? Характерно то, что во всех исследованиях выделяется несколько вариантов самоидентификации «метисов», которые сходны, но в каждом исследовании встречаются свои нюансы. В качестве типового возьмем описание Е. М. Галкиной, которое было сделано еще в конце 1980-х — начале 1990-х годов на материале исследования детей от браков между представителями целого ряда народов, исследования не столько, собственно, социологического, сколько психологического, где акцент делался на самоощущении подростков из смешанных семей. Галкина выделяет четыре группы подростков на основании особенности их этнической самоидентификации. К первому типу — биэтническому — она относит тех, кто в практически равной степени идентифицируют себя с обеими родительскими этническими общностями. Ко второму — моноэтническому — типу относятся «метисы», которые идентифицируют себя только с одной из родительских этнических групп, именно она для них референтна. Третий тип — безэтнический — характерен тем, что у «метисов», принадлежащих к нему, на первый план выступают иные характеристики социальной идентичности, нежели этнические, например общечеловеческие. К четвертому типу Галкина относит тех, кто отождествляет себя не с одним из родительских этносов, а с неким третьим, например с доминирующим в обществе (Галкина 1993: 21–22).

Е. Э. Носенко, исследуя потомков от смешанных браков евреев, выделяет также четыре типа самоидентификации, но иным образом. Моноэтническая самоидентификация у нее разделяется на две

группы: «нееврейскую» (тех, кто считает себя русскими, предпочитает русские культурные ценности, не интересуется еврейской культурой) и «еврейскую» (представленную в основном молодыми людьми, которые «стремятся найти “свои еврейские корни”, изучая еврейскую культуру и традицию, и принимают активное участие в деятельности различных еврейских организаций»). Носенко выделяет также «интернационалистическую» (или космополитическую) группу (тех, кто не задумывается о национальности, но «обычно не желает “еврейского статуса”, хотя и не отрицает своих еврейских “корней”») и группу, которую исследовательница называет «переходной» или «расколотой» (это те, кто испытывает затруднения в этнической самоидентификации) (Носенко 2004: 51–52). Обратим внимание, что у Носенко не только отсутствует группа тех, кто идентифицирует себя с некоей третьей национальностью (хотя вполне себе можно представить ребенка еврея и, скажем, татарки, который может воспринимать себя как русского, я лично такого знаю). Зато рядом с интернационалистической группой (тех, кто **не хочет** причислять себя к какому-либо отдельному народу, **не хочет** об этом думать) выделяется группа людей с «расколотым» сознанием (тех, кто **не может** причислять себя к какому-либо отдельному народу, хотя много об этом думает). Кроме того, у Носенко полностью отсутствует отдельная группа тех, кто относит себя сразу к двум национальностям, например к евреям и русским одновременно. Видимо, осознание в себе присутствия и еврейского, и русского сопряжено иногда с определенной конфликтностью, такие люди попадают в группу с «расколотым сознанием». Тут проявляет себя этническая специфика.

Посмотрим на пример с потомками от русско-татарских браков. Т. А. Титова, исследовавшая проблему межэтнических семей в целом и самосознания потомков русско-татарских браков в частности, выделяет пять позиций: дети от смешанных русско-татарских браков могут определять себя (1) только русскими, (2) только татарами, (3) больше русскими, чем татарами, (4) больше татарами, чем русскими, (5) татарами и русскими в равной степени. У Титовой не отмечаются случаи «космополитической» идентификации, что, видимо, определяется культурной средой Татарстана. О ее специфике говорит тот факт, что смешанная русско-татарская идентичность характерна для города Казани в целом, поскольку среди опрошенных казанцев-выходцев из моноэтнических семей нередко встречается та же сложная самоидентификация. Часть русских из однонациональных родительских семей и татар из однонациональных родительских семей считают

себя русскими и татарами в равной степени. Некоторые респонденты из чисто татарских семей считают себя больше русскими, чем татарами и даже только русскими (Титова 1999: 35). При этом, что характерно, нечеткую этническую самоидентификацию имеют русские и татары, состоящие в межэтнических браках: 9,8% мужчин и 6,8% женщин русской национальности и 19,4% мужчин и 23,0% женщин татарской национальности, состоящих в межнациональных браках, считают себя в равной степени татарами и русскими; а 12,9% и 7,7% татар мужчин и женщин соответственно больше русскими, чем татарами (Титова 1999: 36). Но следует отметить, что Титова нигде ни разу не говорит о драматичности сложной этнической самоидентификации, будь то дети от смешанных браков или кто еще: выбор между татарской и русской самоидентификацией у жителей Казани не сопряжен с внутренним конфликтом. (Отметим в скобках, что по данным Т. А. Титовой, межэтническая напряженность, наблюдавшаяся в республике в 1990-е годы, практически не проецировалась на межэтнические семьи, где супруги, как правило, придерживаются общих политических взглядов.)

Остановимся и на исследовании о потомках русско-казахских семей, поскольку тут проявляют себя некоторые этнические идентификации, которые мы не встречали в приведенных выше случаях. Итак, говоря об идентификации детей от русско-казахских браков, Сауле Уалиева и Эдриен Эдгар подчеркивают прежде всего вненациональную или интернациональную самоидентификацию некоторых из них. В качестве примера приводится такой отрывок из глубокого интервью: «Я чувствую себя просто человеком. Мне ближе как-то, как у нас при социализме было, — интернациональное. Я человек, ну, как которому действительно все равно, какой он национальности. То есть вот этот принцип интернационализма, это близко мне, в общем-то, по духу». Здесь обратим внимание на пример декларируемого не просто гуманистического, а живого еще советского интернационализма. Так, еще одна респондентка утверждает, что «если бы у нее была возможность указать в паспорте “советскую” национальность, она бы так и сделала». Для другой группы потомков русско-казахских браков характерна русская самоидентификация. По замечанию авторов статьи, «они чувствуют себя русскими, поскольку неразрывно связаны с русским языком и культурой». И что особенно важно, «такие ответы давали даже те, у кого ни один из родителей не является русским, то есть люди, не имеющие возможности официально записаться таковыми», то есть те, кого называют «русскоязычные». Поэтому следовало бы

отдельно выделить «советскую» самоидентификацию, которая отлична от тоже немало распространенной в Казахстане гражданской самоидентификацией, то есть идентификации себя потомками межэтнических браков в качестве «казахстанцев». Так, респондентка смешанного русско-казахского происхождения, хотя официально записана казашкой, как и ее отец, говорит: «Мне сложно сказать, что этническая идентичность является для меня преобладающей. Я не думаю о себе как о казашке, проживающей здесь, в Казахстане. Но, когда я выезжаю за рубеж, я ощущаю себя, я даже не могу сказать, казашкой ли, да?.. Но казахстанкой. Вот казахстанка — это моя идентичность». (Отметим в скобках, что в работах, написанных на российском материале, не встречается аналогичная самоидентификация детей из смешанных семей в качестве россиян.) И еще один тип идентичности, который называется «шала-казах», уничижительный термин, но порой использующийся как самоидентификация, «буквально означающий “полуказах”, сегодня применяемый часто и к чистокровным, но русифицированным казахам» (Уалиева, Эдгар 2011). Отметим, что вот эта последняя идентификация «неполноценного представителя нации» распространена среди потомков межэтнических браков достаточно широко. У якутов присутствует термин «сахаляр», у корейцев же, о чем мы будем говорить, аналогичный термин — тягубя (полу-кореец) — не имеет уничижительного оттенка и активно используется в качестве самоидентификации.

Нередко говорят о маргинальности национального самосознания выходцев из смешанных семей. Иногда оно выражается в манипулировании своей этничностью. Так, Е. М. Галкина отмечает, что дети из смешанных семей «в одной этнической среде называют (а возможно, и считают себя) представителями одной этнической общности, в других условиях — другой» (Галкина 1989: 17). В другой своей работе Галкина пишет: «Среди важнейших признаков этнической идентичности у потомков из смешанных семей выделены ее вариативность (существование нескольких типов этнической идентичности) и изменчивость (возможность манипулировать своей идентичностью)» (Галкина 1993: 25). Исследовательница говорит и о том, что «манипуляция своей этничностью происходит, порой, в поисках стратегических преимуществ» (Галкина 1989: 17). Е. Э. Носенко отмечает, что «люди, родившиеся в смешанных семьях, иногда в течение жизни меняют свой выбор в отношении этнической идентичности (бывает, неоднократно)» (Носенко 2004: 11). Р. Р. Исхаков пишет, что потомок от смешанного брака изначально окружен множеством артефактов, «причем символическое

значение определенного артефакта для этнических групп, к которым принадлежат родители, могут быть очень разными. Таким образом, этнический маргинал попадает в ситуацию свободного выбора, при котором ценность того или иного культурного артефакта для него определяется им самим» (Исхаков 2000).

Однако исследователи называют и некоторые объективные параметры выбора национальности того или иного родителя в межэтнической семье. Тут есть некоторые формальные параметры, общие для самых разных этносов, а есть те, которые определяются этническими культурами родителей «метиса». Та же Галкина говорит о том, что девочки чаще определяют свою национальность по матери, а мальчики — по отцу, причем «связь между половой и этнической идентичностью сильнее, когда речь идет об указании национальности в официальных документах...», и это особенно характерно при большой культурной дистанции между этносами родителей (Галкина 1989: 17). Дело доходит до парадоксов! Как отмечает Т. А. Титова, «иногда у детей из одной семьи разная этническая принадлежность. Один ребенок относит себя к национальности матери, один — к национальности отца. Доля таких семей в обследованных русско-татарских семьях 5,2%. В большинстве случаев девочки относят себя к национальности матери; мальчики, как правило, принимают национальность отца» (Титова 1999: 45). По словам Титовой, «важнейшими факторами этнической самоидентификации детей является этническая принадлежность отца и доминирующий на уровне непосредственного окружения язык», это при том, что «этнокультурную информацию внутри каждой этнической группы несколько чаще передает мать, чем отец» (Титова 1999: 80). По мнению французского антрополога Д. Берто, этническая идентичность детей от смешанных браков в большой мере зависит от того, родительская семья кого из родителей (бабушки-дедушки) доминирует в жизни ребенка: «жизнь так или иначе устанавливает доминирующее отношение между семьями отца и матери этого ребенка, которое в конечном счете и определяет его принадлежность только к одной семье» (Bertaux 1987: 309–310). Кстати, по замечанию Н. Л. Крыловой, в случае «черно-белых», русско-африканских детей у бабушек часто негативное отношение к поступку дочери компенсировалось нежной привязанностью к внукам (Крылова 2006: 299). Интересное мнение на влияние родителей, вернее, модели родительства, в семье на этническую самоидентификацию детей высказано в книге З. В. Синкевич и других: «На уровне тенденций можно сделать вывод о том, что в межэтнической семье с солидарной моделью родительства

выше вероятность того, что у детей сформируется моноэтническая идентичность, а с традиционной моделью родительства — биэтническая идентичность. Дети с этнической индифферентностью чаще по сравнению с другими группами воспринимают в качестве лидера семьи мать или затрудняются определить главу семьи» (Синкевич и др. 2018: 116–117).

Несмотря на наличие некоторых объективных факторов выбора детьми из смешанных семей своей этнической идентификации, все исследователи, которые касались этого вопроса, отмечают его неоднозначность. В лучшем случае, как об этом пишет Т. А. Титова «часть детей обеих национальностей не могут мотивировать выбор своей этнической принадлежности» (Титова 1999: 80). Это в ситуации относительно благополучного биэтнического мегаполиса, такого как Казань. Мы упоминали, что при меньшей комплементарности этносов родителей переживания ребенка могут быть болезненными. Ряд авторов пишут о том, что этническая идентичность может быть позитивной и негативной. С одной стороны, как отмечает Р. Р. Исхаков, «идентичность может иметь как негативный, так и позитивный эмоциональный фон», а для подросткового возраста характерно «эмоционально-оценочное сознание» принадлежности к этнической общности (Исхаков 2000). С другой стороны, по словам П. Румянцевой, «этническая идентичность человека вовсе не сводится к его декларируемой идентичности, а в отдельных случаях может даже противоречить ей» (Румянцева 2001). Е. М. Галкина пишет, что «у выходца из национально-смешанной семьи можно выделить (порой одновременно! — С. Л.) следующие виды этнической самоидентификации: 1) номинальную идентификацию (фиксируемую в официальных документах), 2) внутреннюю этническую идентификацию, включающую два уровня: самоидентификацию — осознанное отнесение себя к определенной этнической группе, и уровень неосознанных установок и ориентаций» (Галкина 1989: 14). П. Румянцева в своем исследовании, основанном на психологическом тестировании, показывает разницу между эксплицитно выражаемой идентичностью подростков из смешанных семей и их установками и стереотипами, которые могут относиться к этнической культуре не того родителя, чью этническую принадлежность выбирает подросток (Румянцева 2001). Е. Э. Носенко-Штейн² выделила четыре позиции по принципу позитивной или негативной самоидентификации детей

² Цитируемый автор в некоторых из своих работ выступает как Носенко, тогда как в других — Носенко-Штейн.

от русско-еврейских браков, где любая моноэтническая самоидентификация выступает как позитивная, связанная с положительными эмоциями, а любая неопределенная, «переломная», «переходная» — выступает как негативная (Носенко-Штейн 2005). В случае межрасового брака представителей народов с большой культурной дистанцией процесс самоидентификации может носить острый и даже трагический характер. Н. Л. Крылова говорит об «отщепенстве метиса с русскими материнскими и африканскими отцовскими корнями, которое покоится на драматическом переживании своей отторженности, отделенности от окружающего мира (несколько) иного цвета кожи, (несколько) иного антропологического типа» (Крылова 2002: 91). Хотя, как пишет Крылова в другой своей работе, «в независимости от того, где они [метисы] проведут большую — социально, информационно и эмоционально наиболее насыщенную — часть жизни, сегодня они могут с романтической любовью относиться к России, в душе считая себя настоящими русскими, или, напротив, мифологизировать родину отца-африканца, чувствуя себя внутренне принадлежащим к его культуре» (Крылова 2006: 282).

Но это крайний для России случай, отличающийся своей относительной редкостью. Мы видели на примере двойной русско-татарской идентичности, что она в Казани не выступает в качестве негативной и является широко распространенной. Здесь, очевидно, вопрос в социокультурных факторах, в рамках которых существует брак между представителями той или иной национальности. Так, еврейская самоидентификация у детей от смешанных русско-еврейских браков в русской среде встречается нечасто: «Большинство респондентов не отождествляют себя с евреями, или отождествляют лишь в определенных ситуациях; гораздо чаще они идентифицируют себя с окружающим большинством. Поэтому большинство потомков смешанных браков вряд ли правомерно считать продуктом двух культур — еврейской и русской» (Носенко-Штейн 2005). Носенко-Штейн, целью исследования которой было понять значения полуевреев для еврейской культуры, делает вывод, что в России потомки от смешанных браков евреев практически выпадают из еврейской культуры, большинство из них вписывает себя в русскую культуру, а многие полностью идентифицируют себя с русскими.

Итак, изучать «метисов» той или иной национальности можно только в контексте культур диаспоры, представители которой вступают в браки с представителями народов, составляющих социальное окружение диаспоры. Следовательно, обращаясь к теме потомков смешанных браков

корейцев с представителями народов СНГ — тягубя, мы приходим к тому, что ставим вопрос о значении полукорейцев для корейской культуры. Эта постановка вопроса тем более оправдана особенностями социализации тягубя в русской по преимуществу среде.

У тягубя, детей от смешанных браков корейцев, есть причина, по которой они при всем желании не могут не выделяться в своем социальном окружении, — их внешность. Значительная часть ветки о потомках смешанных браков в группе ВКонтакте «Русские корейцы» посвящена обсуждению внешности: кто на кого похож и сколь ярко в нем выражены корейские черты. Таким образом, уже внешними причинами предопределено, что тягубя должны как-то самоидентифицироваться внутри корейской общности, как ее часть, ибо даже при всем разнообразии внешности русских в большинстве случаев каждому видно, что тягубя — не русские. Отсюда очевидно, что случаев идентификации тягубя с национальностью своего русского родителя очень немного. И, следовательно, отправной точкой самоопределения служит корейская идентичность даже в условиях порой чисто русского окружения и часто вполне русского менталитета того или иного тягубя. Хочет он этого или нет, он должен вписать себя в систему корейской культуры. Которая в свою очередь очень не то чтобы закрытая, а слишком специфическая для людей, выросших в русском окружении, так что только очень немногие тягубя могут назвать себя корейцами, в нашем случае корё-сарам — так называют себя корейцы, живущие на пространстве СНГ. Поэтому у тягубя почти нет возможности для «моноэтнической» самоидентификации. Огромный пласт «местисов» составляет «переходная группа», члены которой затрудняются с самоидентификацией, точнее, чувствует себя «не вполне русскими». Есть и еще один способ самоидентификации, к которому прибегают тягубя и о котором мы скажем ниже.

Итак, мы насчитали во всей ветке только два высказывания о русской самоидентификации тягубя, и то с оговорками. Так, кореянка, находящаяся замужем за русским, пишет о своих детях: «Сами себя ощущают русскими. Еда в основном русская, но тйя, тире, кукси и паби (Названия корейских блюд. — С. Л.) иногда едят»³ (Светлана Пак, 10 фев 2013). В эту группу высказываний можно отнести некое общее размышление о русскости потомков от русско-корейских браков: «Но я думаю, что мы всё-таки больше русские. Потому что из корейского

³ Здесь и далее в цитатах из Интернет я поправляла в соответствии с общепринятыми нормами орфографию и пунктуацию.

в нас, зачастую, остаётся только корейская внешность, а в остальном — всё (мысли, речь, понимание, менталитет) русское» (Жанна Иванова, 6 окт 2013).

На что следует также обратить внимание, так это на то, что совсем мало высказываний, характеризующих этничность, которую многие исследователи называют интернационалистической — мы насчитали таких только четыре, опять, однако, с оговорками, поскольку ни одно из них не является непосредственным выражением интернационалистической самоидентификации. Ближе всех к ней относится высказывание: «Для меня Человек — это человек, живущий по совести. А в этом плане я со своей совестью в ладу. И не важно кто я по нации, по должности» (Елизавета Нечаева, 28 ноя 2013 в 5:57) и «Надо, на мой взгляд, понять одну вещь: главное быть человеком, а кто ты по национальности не так важно» (Владимир Ли, 8 окт 2013 в 14:05). Причина редкости интернационалистической самоидентификации в том, как нам кажется, что своей внешностью тягубя накрепко привязаны к монголоидной расе, представителей которых в российских европейских мегаполисах, откуда и происходят большинство участников дискуссии в анализируемой ветке, немного и они выделяются. Но, возможно, к «интернационализму» не предрасполагает сама корейская культура.

Более многочисленны высказывания (их четырнадцать), свидетельствующие о корейской идентичности тягубя. Среди них, например, такое: «Я тягубяшка, батя кореец, мама русская. Похож на армяна. Всю жизнь себя считал корейцем, пусть даже и корейцы меня таковым не считают. Чту традиции, уважаю обычаи... Хочу жену корейнку!» (Вадим Вадимов, 20 сен 2014 в 7:29). Тут мы видим, что наряду с корейской самоидентификацией тягубя подчеркивается невключенность его в корейскую общность. Это типично! Остальные говорят тоже скорее о своей «корейском менталитете» (как они его себе представляют), нежели о включенности в корейские социальные связи. Девушка-аргубя (корейнка на четверть) пишет: «У моего отца мама корейнка, а отец русский, у мамы русско-французские корни. Я сама на внешность вышла на 60% корейнкой. Говорю на русском и французском. Но внутренний менталитет заложен корейский 100%» (Дарья Гребенникова, 19 янв 2016 в 0:13). Другая участница дискуссии отмечает, что ее сын тягубя: «пусть у него самая русская фамилия, но он считает себя корейцем» (Татьяна Тян, 16 апр 2016 в 16:16). Впрочем, при корейском укладе жизни, когда он в смешанных семьях встречается, корейский менталитет правомерно себя проявляет. Девушка-тягубя говорит о характерном корейском укладе свой

межэтнической семьи: «Раньше я не придавала значение нашему укладу семьи, поскольку кроме родни я больше не знала корейцев. Но сейчас, когда я общаюсь в основном с корейцами, могу уверенно говорить, что в моей семье корейского намного больше, чем во многих чистокровных семьях» (Анастасия Ан, 19 мар 2015 в 8:46). Еще одно высказывание: «У меня есть знакомый, он тягубя. Ну настоящий кореец по мышлению, по еде, которую он ест. Что поделаешь если ребенок родился таким (смешанным)» (Сергей Ким, 10 июн 2017 в 20:15). (Тут в скобках обратим внимание на то, что для корё-сарам любовь к корейской кухне — важнейший этнодифференцирующий признак! Корейская еда — последнее, что отличает корейца от некорейца.) Другая участница дискуссии утверждает: «У меня мама корейка, а папа немец, и когда люди спрашивают, кто я по национальности, с гордостью говорю, что я корейка. Потому что это нация, которая не сделала ничего, чтобы стыдиться ее» (Наташа Богомазова, 12 сен 2014 в 13:09). На эту реплику следует ехидный вопрос: «А когда спрашивают, кушаешь ли собаку, что отвечаешь?» (Lenny Illuzion, 18 сен 2014 в 21:00), на который тягубя отвечает: «Когда мне задают этот вопрос, я предлагаю задуматься над тем, что едят те, кто спрашивает» (Наташа Богомазова, 21 сен 2014 в 8:23).

Возможно, у потомков корейцев с азиатскими народами корейская самоидентификация более естественна. Среднеазиатская тягубя пишет о себе: «Папа у меня узбек, мама корейка. Росла в корейской семье, считаю себя корейкой и горжусь этим. Отношусь ко всем нациям хорошо. И трудностей не было никогда» (Ольга Тянь, 20 июл 2014 в 23:13). Также и бурятка, вышедшая замуж за корейца, пишет: «Мы с мужем живём более 15 лет, у детей (8 и 5 лет) никогда не возникает вопроса: кто они по национальности — корейцы. Без паби и тяя (Названия корейских блюд. — С. Л.) ни дня. Аромат тяя для них самый аппетитный. Во дворе и в школе они с гордостью называют себя корейцами... Они очень гордятся тем, что являются частью замечательной нации. И про мамину (мою) национальность знают и уважают» (Антонина Султумова, 22 мая 2013 в 21:35). Как пишет казашка, состоящая в браке с корейцем, «Когда мы собирались пожениться все были против с двух сторон, но мои мне говорили, что если будут дети, то они будут корейцами, как ни крути, так положено, и у казахов дети по отцу считаются и в этом духе воспитываются. Сейчас нашу дочь все любят, конечно, но всегда отмечают и ей же внушают, что она корейка, мои не пытаются на себя одеяло тянуть» (Асель Ким, 31 мая 2017 в 8:42).

В России также есть редкие случаи, когда в смешанных семьях осознанно растят корейцев. Например, русская женщина, вышедшая замуж за корейца, заботится о том, чтобы ее дети не чувствовали себя в корейской среде неполноценными: «Муж и его сестры ни язык не знают, ни толком историю семьи, кухню корейскую любят и кушают, но из традиций, если только асянди (У корейцев первый день рождения ребенка. — С. Л.) проводят. Я учила язык и ездила в Корею, изучала традиции народа и семейный уклад. А дети метисы, и их становление в обществе, по моему мнению, зависит от родителей. Как говорит моя свекровь, я больше кореец, чем муж, и деткам будущим хочу привить самопознание себя не только как русских проживающих в России, но и корейцев. Сейчас хочу восстановить насколько возможно родословную мужа (еще жива бабушка его во Владивостоке), чтобы детям рассказать историю своей семьи. Дети должны знать свои корни, кем бы они ни были, русскими или корейцами» (Татьяна Цой, 16 апр 2016 в 16:16). Но у автора этого поста идея корейского представляется несколько головной. Во всяком случае, это поведение нетипично. Но, конечно, даже в русском окружении родители, настроенные воспитать детей-тягубя корейцами, могут достигнуть определенного успеха: «В нашем городе мы не знаем ни одну семью корейскую, хотя бы смешанную. Поэтому отец и требовал от нас, он всегда говорил — мы живем среди других национальностей, и если мы не будем чтить традиции, мы утратим свои корни» (Анастасия Ан, 20 мар 2015 в 18:38).

Как правило, однако, тягубя в России, в русском окружении, где корейцы вообще сильно в ментальном смысле ассимилированы, соприкасаются с корейской культурой как бы по касательной. Участник дискуссии, кореец из Петербурга, пишет: «У меня дети 3/4 корейской 1/4 русской крови... Ни языка, ни культуры (истории) не знают. От корейцев — еда, единоборства, внешность» (Валерий Тен, 27 янв 2013 в 21:36). Тягубя отмечает: «Рад, что знаю немного культуру, обычаи и роскошную кухню» (Slavik Maksimov, 26 сен 2016 в 16:42). Другая тягубя проявляет только самые слабые корейские пристрастия: «В нашей семье не было привязанности к какой-то определённой культуре или традициям. Корейского языка я не знаю, люблю кушать борщ, добавляя туда рис» (Ольга Калюжная, 9 ноя 2016 в 1:28). Внук деда-корейца так пишет о том, что осталось корейское в их семье: «Моя мама “русская татарка”, я старший сын, внешность осталась еще корейская. Языка я не знаю, папа умеет только считать до 10. Помню, знал дедушка. Дедушка, по рассказам, даже доставал во времена СССР газеты

корейские. Корейская кухня дома идет на ура, и довольно часто... Почитаю родителей, уважаю родственников» (Дмитрий Ли, 17 июня 2013 в 19:41).

Подавляющее большинство тягубя говорят о неопределенности своей этнической идентификации: они как бы между народов и рас, ни те, ни другие, ни корейцы, ни русские. «Языка корейского я не знаю, культуру — по минимуму... Честно говоря, сейчас понимаю, что ни к той ни к другой нации себя полностью не отношу» (Анна Тен, 27 янв 2013 в 21:36). Еще одна участница дискуссии — тягубя высказывает обобщение: «Есть некоторые минусы в смешанной семье, т.к. ты не можешь дать четкого определения своей национальности» (Olga Shen, 5 июня 2013). Другой тягубя, хотя и говорит о своей русской душе, так же испытывает трудности с этническим самоопределением: «Я не отношу себя ни к одной нации, потому что у меня корейская внешность, которой я, конечно же, очень горжусь, и душа русского пошива, мысли и чувства, а русская душа, как известно, самая поэтичная, гордая и красивая» (Александр Долгушев, 27 сен 2013 в 14:03). Часто невозможность себя как-либо определить формулируется прямо, как в следующих высказываниях: «Смешанные браки мне понятны. Каждый сам строитель своего счастья. Но вот у детей от таких браков есть кое-какие непонятки. (Знаю по себе.) Кто я и где моё место в этой жизни?» (Елизавета Нечаева, 25 ноя 2013 в 19:28), «Ну, конечно, не корейцы. Ну, и не русские тоже» (Катя Цой, 6 окт 2013 в 21:50). Одна из участниц дискуссии пишет: «Я тоже не могу себя отнести к русским, так как не имею сильной тяги к русской культуре, хотя у меня много друзей и хороших знакомых среди славян. Но и к корейцам отнести себя тоже не могу, хотя имею корейскую фамилию и неумную тягу к Востоку ещё с детства» (Елена Тен, 10 янв 2016 в 0:06). Или так: «Ой, я вообще не знаю кто я! Моя мама наполовину корейка, а отец вроде русский... Внешность у меня непонятная. Меня кем только не называли: цыган, грузин, дагестанец, мексиканец... Я не считаю себя русским и тем более азиатом. Я бы не смог жить в Корее, и вообще мне очень чужда азиатская культура» (Сергей Кузнецов, 16 сен 2016 в 23:25). Кстати, это характерная проблема для молодых тягубя, которые нередко имеют неопределенную внешность: «Фигово, ни на корейца, ни на русского я не похож. Скорее даже — на узбека» (Александр Хван, 26 апр 2013 в 9:11). Мать-корейка пишет о трудностях сына-тягубя, родившегося в Казахстане: «Не кореец, не русский, не казах, всего понемногу» (Юля Лу, 21 апр 2016 в 18:12). Выходом из неопределенности тут может быть определенное мифотворчество:

«Жена у меня метиска, по папе корё [корё-сарам], правда местная [петербурженка], как и я, тоже не определилась, так придумали, что предки вообще из Китая» (Валерий Тен, 6 окт 2013 в 19:48). Напрашивается как бы некая новая самоидентификация. Например: «Так кто же мы? Мы — русские корейцы. Не русские, и не корейцы» (Алексей Тян, 5 июл 2020 в 12:14).

Понятно, что кто-то говорит о тягубя как о «закомплексованных людях с корейской внешностью» (Кира Монти, 27 сен 2013 в 20:05). «Хреново. Как же еще! Ни родины, ни истории... лишь слухи, слухи, слухи. И, конечно же, тяжелей на личном фронте, чем остальным» (Валентин Кир, 5 сен 2014 в 2:32). «Тягубя — это и не кореец и не маудя (То есть не русский, но это слово в языке российских корейцев имеет пренебрежительный оттенок. — С. Л.). Иногда это не очень положительно сказывается на самом человеке в юношеский и детский период, так как социум такой, например, в школе. Такого человека, если он смешанный и похож на азиата, больше будут спрашивать, а кто ты по нации? Он что скажет? Он скажет, что я маудя, а его начнут дразнить» (Сергей Ким, 10 июн 2017 в 20:00). Безвыходность? «А мне что делать? Разорваться, что ли?» (Татьяна Тян, 23 апр 2016 в 20:51) — вопрошает тягубя.

Как же проблема самоидентификации решается? Иногда она просто игнорируется: «На вопрос: “Кто ты по нации?”, такие дети просто отвечают: “Мама такая-то, а папа такой-то”. И этого бывает достаточно» (Олег Цой, 10 июн 2017 в 20:04). Но практически ее решает прежде всего наднациональная самоидентификация.

Как справедливо пишет один из участников дискуссии: «Смешение браков — это всегда проблема... и главная проблема в идеологии. Вы вспомните СССР? Там люди были советские. В паспорте написано: гражданин Советского Союза, и вопрос о национальности отсекался сразу. Но после распада Союза все вдруг стали русскими. И вот здесь кроется вся загвоздка. И поэтому дети от смешанных браков в замешательстве. Кто они? В СССР такого бы не было. Если бы их спросили, кто вы? Они бы ответили, я советский человек. А сейчас спрашивают, а кто вы по нации? А они отвечают, я русский. Но глаза-то узкие!» (Сергей Ким, 3 сен 2016 в 10:16). Один из участников дискуссии просто определяет тягубя выражением «обычный Россиянин» (Вячеслав Мун, 25 сен 2016 в 20:01). Однако у тягубя эта тема непопулярна. Популярно другое самоопределение, которое мы не встречали в тех классификациях этнических самоопределений детей от смешанных браков, которые приводятся в современной научной литературе.

А именно: ярко выражена самоидентификация себя в качестве «метиса» в положительной коннотации, то есть именно как тягубя.

Как воспринимают себя те, кто принял в качестве своей идентичности «метисизацию», «смесь кровей, обычаев и психологий»? Тут и мелкие «приятности»: «А мне хорошо живется, никаких проблем вообще. Людям свойственно проявлять интерес ко всему нестандартному, необычному, не часто встречающемуся, и это плюсики для меня при общении» (Же Ка, 30 апр 2013 в 18:41). Есть и большие преимущества: «Я аргубяшка [аргубя], мой папа на половину кореец и русский, мама татарка... Думаю, что жить в многонациональной семье это довольно увлекательное дело, т. к. узнаешь много нового и отмечаешь кучу праздников, да и родственников тоже достаточно со всех сторон» (Olga Shen, 5 июн 2013 в 18:50). Но это все то, что относится к любым детям-«метисам». У тягубя есть некоторое особенное осознание: «Это хорошо, когда в тебе текут не только корейские крови, но ты в душе считаешь себя азиатом» (Елена Тен, 12 янв 2016 в 16:30). А потому позиция тягубя — «Я не буду выбирать. Я та, кто я есть. И мне это нравится» (Татьяна Тян, 23 апр 2016 в 20:59).

В ветке встречается немало высказываний о том, как хорошо быть тягубя. Например: «Мы САМЫЕ КРУТЫЕ. До тех пор, пока [тягубя] не вырастут — как в Гадком утёнке. Только нужно много сил, чтобы вырасти и понять, что Я ИНДИВИД ОСОБЕННЫЙ» (Serafima Nowak, 28 мая 2014 в 0:23). «Считаю, что метисы счастливые люди (не в обиду чистокровкам)» (Ольга Тян, 20 июл 2014 в 23:13). «А зачем они, четкие определения? Я с детства на все провокационные вопросы, кем я себя считаю, русской или корейкой, не без дерзости заявляла, что я – метис, и мы захватим этот мир))) все начинали смеяться и отставали» (Елена Стеблянко, 5 июн 2013 в 21:49). Эта шутка, но в другом месте та же участница дискуссии, тягубя с корейско-русско-украинской кровью, подробно раскрыла свое самоощущение «многокровки» в одном небезынтересном лирическом рассуждении, которое следует привести целиком: «Счастье это, принадлежать по крови и воспитанию к нескольким культурам. Столько аутентичных вещей и явлений из очень непохожих миров вызывают у меня пронзительно мощный и живой душевный отклик. “Вот, оно мое. Настоящее”. До мурашек и щемящей тоски, до непередаваемого внутреннего подъема и чувства гордости. До самой до сути моей разношерстной. Читать Гоголя: ах, галушки, черевички. Идти по южному городу, жадно ловя украинскую мову: дякую, кохаю. Мое. Или вот. Тырнеты подкинули календари с русскими наличниками. Это ж редкость какая красота.

Душа поет: вот ведь как умеем. Развернуть всю нашу необъятную географию и культуру в такой неожиданной, самобытной и красочной форме! Мое. Дайте два! А еще. Посмотреть на ночь глядя корейский фильм про древнюю бабулю и несносного маленького внука, приехавшего к ней в глухую деревню на каникулы. Так защемит невыносимая тоска по собственной бабушке... И перед глазами ее маленькая сгорбленная фигура, руки скрещены за спиной. Вот она палочками кладет мне самый вкусный кусочек рыбы на рис, молча дает вдеть нить в иглу, а вот мы с ней чистим невероятное количество чеснока для засолки кимчи. А вечером она нараспев читает (потому что полуграмотная и так ей легче) письма из Северной Кореи, и, тяжело вздыхая, подолгу смотрит на фотографии из Южной. Вот это вот все, от сала и березок до протяжного аааа-риранг, аааа-риранг мое. Моее не бывает» (Елена Стебляноко, 25 окт 2015 в 3:15). В ветке встречается и еще одна реплика о преимуществе взаимодополнительности, присутствия двух кровей: «Моя племянница — тягубя, ее родители из радикально разных миров, она живет в отрыве от России и очень плохо говорит по-русски, и для нее вся наша родня и мир корё-сарам — скорее диковинка. Она общается с бабушкой и дедушкой через подарки и поцелуи, через тепло, которое не очень принято в той стране, откуда она родом. И когда я думаю об этом, как раз возникают такие же мысли — ей очень повезло, у нее есть то “свое”, чего нет ни у кого из ее школьных подруг и друзей, но так же при этом есть много того “своего”, что непонятно и никогда не будет понятно таким простым русским корейцам, как я. И это большое богатство — эмоциональное, культурное, духовное» (Андрей-Сергей Ким, 25 окт 2015).

Практически тягубя могут встроиться в корейский круг общения, а могут так и зависнуть в обреченном или гордом осознании своей «метисности». Однако о том, что тягубя-метисы — это тупиковая ветвь, говорят скорее некоторые из националистически настроенных корё-сарам, которых в ветке единицы. Приведем несколько подобных высказываний: «Удачных смешанных браков конечно мало, но они есть. Другое дело, что отпрыски тягубя уже не чувствуют себя корейцами даже при удачном смешанном браке. Если кто любит свою нацию или задумывается о том, кем будут его потомки, то им следует воздержаться от смешанных браков, особенно в чужой национальной среде» (Юрик Ким, 14 апр 2013 в 21:34). Также один из участников дискуссии пишет: «Я знаю несколько примеров крепких полукорейских пар, проживших много лет в мире и согласии, причем их дети не имеют проблем с самоопределением, считают себя корё-сарам,

живут как корейцы, тесно общаются с родственниками, соблюдают традиции и т. д. Однако это очень специфичные примеры, как я понимаю, исключительные. Это семьи, где жены-некорейки, по сути, стали корейками: полностью вошли в новую семью, готовили корейскую еду, воспитывали детей в корейском духе и соблюдали корейские обычаи, выучили корёмаль (Язык, на котором говорят корейцы СНГ. — *С. Л.*) и т. д. Немногие девушки и тем более немногие мужчины могут пойти на такой шаг, отказаться, по сути, от собственных традиций и уклада ради того, чтобы быть с любимым человеком и сделать его счастливым. Я считаю, что это в своем роде признак большой любви и жертва» (Андрей-Сергей Ким, 15 апр 2013 в 14:36). Другой участник дискуссии пишет на ту же тему: «В смешанном браке “кореец — русский”, в условиях разобщенности, малочисленности корейцев, а также сильного влияния русской окружающей среды и практически полного отсутствия корейской культуры и языка, дети — тягубя — по менталитету, культуре, кухне и языку будут русскими. Это в большинстве случаев. Конечно, попадаются исключения, но они единичны» (Алексей Тян, 4 июн 2013 в 0:08). Тут во многом страх потери традиций: «Ваши внуки [потомки от смешанных браков] не будут считать себя корейцами, они скорее всего не будут знать свой пой (Так корё-сарам называют свои роды, которые содержат несколько разных фамилий родственных семей. — *С. Л.*), и хангаби (Празднование шестидесятилетия у корейцев, что является первым подведением итогов жизни. — *С. Л.*) родителям делать не будут, тёри отбивать (Корейский обряд. — *С. Л.*) и подавно» (Александр Цой, 17 июн 2013). Так националистически настроенный кореец обращается к тягубя: «Вам хоть нравится корейская жизнь, Вы все равно не станете частью ею, так как Ваша внешность, Ваша фамилия, и самое главное у вас в голове менталитет не тот» (Victor Kim, 10 июн 2017 в 9:42). Повторим, эти мнения не слишком типичны.

Разумеется, отношения тягубя с чистокровными корё-сарам могут быть весьма непростыми. Это каждый раз отдельная история, человеческая жизнь. В ветке приводится немало случаев вхождения тягубя в корейский круг общения. Вот такой рассказ: «После школы я встретила корейцев только во время учебы в “вышке” — нас было трое на 2,5 тыс. человек со всего СССР — я, Ким Сергей и Ли Денис. Они первые корейцы, для которых я стала СВОЕЙ... В следующий раз мне довелось общаться с корейцами уже через 9 лет. Я влилась в корейскую диаспору своего города, где меня тоже посчитали СВОЕЙ. Корейцев у нас чуть больше 1000 на почти 1,5 млн город. Будучи в командировке

на Северном Кавказе, я встречала корейцев на базаре, куда изредка навещалась. Узнав, что я тягубя, они удивлялись и радовались, говорили, что гордятся, что есть такие КОРЕЯНКИ, угощали, чем могли, при этом никогда не хотели брать деньги». Хотя легкая неудовлетворенность проступает и в этой истории. Автор ее продолжает: «Но почему, когда я встречаю корейцев, они ВСЕ кажутся мне более родными, чем я им?» (Татьяна Тянь, 16 апр 2016 в 16:16). Отделенность тягубя от чисто корейской культуры остается, но осознаться это может с элементом горечи — именно в случае негативной этнической самоидентификации («ни то, ни се»), а может восприниматься как нечто положительное, при позитивной самоидентификации («я доволен, что метис»). Вот пример тому: «Мне там [в Корее] хорошо. В доску своей мне, конечно, там не стать, но иногда бывает уточняют, не местная ли я. Пока акцент себя не проявит. Но и не стремлюсь стать своей-своей. А относятся с уважением. Всегда интересуются моим происхождением. Ничего негативного сказать не могу. Даже когда была бедным неквалифицированным студентом и ездила туда на нелегальные заработки на заводах, официанткой — никогда не сталкивалась с неуважительным, надменным отношением. Корея мне как добрая тетушка!» (Елена Стеблянко, 2 июня 2013 в 22:36). Это рассуждение той самой участницы дискуссии, которая назвала себя «многокровкой».

Особенно важно для национального воспитания включение в родственную корейскую среду, когда она есть. Вот пример: «Я сама метиска. Мама у меня русская, отец кореец. До моего рождения мои бабушка с дедушкой (со стороны отца) были категорически против брака папы и мамы. Но когда я родилась, все в корне поменялось, они приняли маму... воспитывалась я по всем обычаям, традициям Кореи! Знаю всю историю Кореи, традиции, обычаи, и, естественно, люблю корейскую еду» (Лиана Стрелова, 28 янв 2015 в 11:57). (Опять пример почитивной идентификации тягубя.) Приведем и противоположную историю: «Будучи “отпрыском тягубя”, не чувствую себя корейкой, может быть именно поэтому, моего появления так не хотели все корейские родственники в начале отношений моих родителей, потому что они “очень любили свою нацию и задумывались о том, кем же будут их потомки”... Но то, что я не чувствую себя корейкой, вовсе не означает, что я не уважаю корейской культуры и традиций. Просто я ничего об этом не знаю, т. к. росла в иной среде, европейской» (Анна Тен, 15 апр 2013 в 20:15). (Пример негативной идентификации.) Тем не менее отметим, у тягубя, не получившей никакого корейского воспитания, есть ощущение причастности к корейскому.

Ощущение «корейскости» нередко возникает и у тех, кого с корейцами, казалось бы, ничто не связывает на ментальном уровне — только внешность. Но надо полагать, что эффект внешней несхожести с окружающими заставляет полукорейцев, никогда не знавших своих отцов, обращаться к своим корейским корням. Одним из лейтмотивов дискуссии является тема «голоса крови». Одна такая история: «Папа — кореец, мама — русская. Отца не помню, так как они с мамой расстались, когда мне не было и года. Не знаю ни корейской культуры, не ем корейских блюд. Потому что мама и не знает, и не умеет это готовить. Из корейского во мне только внешность. А в остальном — просто русская. Даже фамилия чисто русская. Но в последние лет десять меня стало очень сильно тянуть к корейским корням. Пытаюсь больше узнать о корейской культуре и о корейцах вообще. Даже иногда посещает мысль — найти отца. Просто, чтобы понять» (Жанна Иванова, 27 сен 2013 в 22:35). Другая реплика: «Мой отец кореец, мама русская, их совместная жизнь давно не сложилась. А у меня, конечно, много вопросов, периодически возникает интерес о корейских корнях. Что-то читаю в интернете, но жаль, что нет связи с родственниками-корейцами, в своей жизни не общалась ни с одним корейцем, вот так.... А зов крови все-таки есть» (Оксана Самоделова, 24 янв 2014 в 17:09). И еще подобные истории. «Я не могу игнорировать историю моих предков, голос крови может... не знаю... Я хочу, чтобы... те родственники помнили и о нас с братом тоже. Я считаю, нельзя так родить детей, тем более нерусских, и бросить их на произвол судьбы. Человек должен знать историю своей семьи, иначе он неполноценен. В общем, сложный вопрос, очень личный» (Катя Цой, 6 окт 2013 в 21:51). «Мама русская, папа кореец. Но папу только на фото видела. Что осталось, так это фамилия Че. Да и на кореянку вообще не похожа. Хотя всем корейским интересуюсь. На работу устраюсь и на курсы корейского языка наконец пойду» (Анна Че, 9 июл 2018 в 23:40). «У меня папа кореец, мама русская. Четверть века считал себя русским, потом всё же принял свою корейскую сущность» (Роман Мян, 8 ноя 2018 в 2:40)... Может повернуться и так, что даже при расторгнутом браке русской с корейцем в семье остается некоторый корейский дух: «Жили относительно недолго, 10 лет, развелись не из-за того, что не сошлись ментальностями, а сыграл роль чисто человеческий фактор. Мама с уважением отнеслась к традициям, которые поддерживались в семье. Кухню полюбили даже в маминой семье, которая раньше никогда ничего подобного не ела. Некоторые корейские слова мама до сих пор использует» (Юлия Ким, 9 июл 2017 в 15:17).

Итак, многие тягубя чувствуют причастность к своей корейской половине. Но почти нет таких, по крайней мере в России, которые бы вполне встраивались в жизнь корё-сарам. Действительно, те тягубя, которые утверждают себя именно как тягубя, метисы, не стремятся перенять все корейские традиции, полностью вписаться в корейскую культуру — они стремятся вкусить ее и привнести ее в свою изначально русскую культуру, создать некий синтез. И этот образ жизни имеет для корё-сарам определенной функциональное значение, которое многие из них осознают. Прежде всего тягубя для них — это способ вживания в чужую культуру, приспособления к среде: «Я кореец, который живет в России. Мы все тут корейцы, которые живем в России или СНГ (это тоже Россия). Это нормально, что я человек не только корейской, но и русской культуры. Тут мы все такие. И для нас это нормально смешивать кровь с местными. И детей от смешанных браков мы считаем тоже корейцами. У нас так принято. Посмотри на название группы: мы называемся “Русские Корейцы”. Даже если у меня кровь чисто корейская, я в душе наполовину русский, но при этом кореец. Ты думаешь так только у нас? Так везде, где живут корейцы. В Америке, в Китае, в Японии, в Европе. Мы не можем быть только корейцами и вокруг себя возвести стену. Когда ты живешь в другой стране, ты должен частично сродниться с этой страной. Если мы будем считать тягубя некорейцами, то мы исчезнем еще быстрее. Культуру мы сохраняем, хотя бы частично. И рады, когда дети от смешанных браков ей интересуются и не забывают, что они корейцы» (Олег Цой, 10 июня 2017 в 14:35). Тут надо уточнить, что восприятие тягубя у разных корейцев (северных, южных, китайских, постсоветских) различное. (Эта тема также обсуждается в ветке о потомках межэтнических браков.) Если на пространстве СНГ отношение к тягубя в целом положительное, то среди китайских корейцев оно крайне настроенное. Выше процитированный участник дискуссии поясняет: «У нас, корейцев СНГ традиционно хорошее отношение к тягубя. Они считаются частью общности. Даже самый ярый противник смешанных браков против самих тягубя, как правило, ничего не имеет и считает своими. Особенно, если те сами разделяют корейскую идентичность. Но у корейцев Маньчжурии и Северной Кореи, судя по всему, отношение к ним традиционно отрицательное. И на Юге до недавнего времени было также. Сейчас, правда, там многое изменилось. Не знаю, как в корейских общинах Японии, Америки, Австралии и Европы. Думаю, как у нас. Вот товарищ из Китая попытался влезть в чужой монастырь со своим уставом. Может у них так принято разговаривать с тягубя. Я не знаю» (Олег Цой, 10 июня 2017 в 19:43).

Подведем итог. «Моноэтническая» и «интернационалистическая» самоидентификация у тягубя — редкость. Скорее надо выделить две группы, соответствующие позитивной и негативной самоидентификации. Тягубя либо не относят себя ни к тем, ни к другим, ни к корейцам, ни к русским (в нашем случае большинство тягубя — потомки от русско-корейских браков), либо относят себя сразу и к тем, и к другим, называя себя «многокровками», впитывающими и каким-то чудным замысловатым способом преломляющими в себе две (а то и более!) столь различные культуры. Упоминаний о такой положительной идентификации себя в качестве метисов мы не встречаем в литературе о самоидентификации потомков смешанных браков.

На этом примере мы видим, что у каждого народа есть особенности самоидентификации «метисов», которые обусловлены рядом внешних и внутренних факторов. Во всех случаях, на которых мы останавливались (на основе ли данных, описанных в литературе, на данных ли, полученных нами), а это дети от русско-татарских, русско-еврейских, русско-казахских и русско-корейских браков, мы видим определенное сходство, и это сходство состоит в затруднении самоидентификации значительной части «метисов». В остальном они являют картину весьма различную, которая определяется соотношением этнических культур родителей, их дистанциями, социокультурными сценариями, в который они вписываются. Среди внешних факторов, влияющих на самоидентификацию «метисов», можно назвать уровень притяжения-непритяжения представителей той или иной национальности в обществе, что сказывается и на детях от смешанных браков. Внешними являются и идеологии, например идеология национализма. Так же чем-то внешним я определила бы национализм (поскольку национализм у всех бывших советских народов однотипен и выступает в форме мифа о чистоте крови как признаке полноценности). Именно такой национализм приводит к презрительному наименованию «метисов» как «недоделанных» казахов, якутов и т. д. Такой взгляд встречается и у корейцев. Так чистокровный кореец разговаривает с тягубя: «Вижу, что Вы тоже не туда и не сюда. Стараетесь быть корейкой? Не получится, так как представьте себе, в курятнике утка с менталитетом курицы, или Вы как Тигр-гибрид между львом-самцом и тигрицей-самкой. Львы стаей живут, а тигры одинокие, и так этот Тигр будет как жить? Не туда и не сюда, как говорится» (Victor Kim, 10 июня 2017 в 9:42). Но такие реплики встречаются относительно редко. Большинство

чистокровных корейцев в данном контексте предпочитает говорить, что и сами корё-сарам в большинстве своем весьма ассимилированы. Вот пара реплик из множества на эту тему: «Я тоже ни то ни сё, несмотря на то, что я чистокровная и тоже не знаю корейского, только чуть-чуть, про еду, давным-давно услышанные полузабытые слова из раннего детства от моей бабушки» (Рин Ки, 6 окт 2013 в 23:28), «От ассимиляции никуда не деться. По сути, все мы уже русские по языку и культуре» (Алексей Тянь, 4 июн 2013 в 0:08). Поэтому не всегда в корейской диаспоре присутствует ясное противопоставление корё-сарам и тягубя. Мы не будем останавливаться на этой проблеме, которая требует отдельного изучения. Отметим только, что наше исследование показало: в качестве отличительной черты идентификации и самоидентификации тягубя присутствует восприятие «полукровок» как некоторой самооценности. Полагаем, что связана она с определенным глобализмом в мировоззрении корё-сарам, восточных по своим этническим корням, весьма специфических по своим обычаям и кухне и часто русских по своей судьбе и способу мышления.

Источники

Галкина Е. М. Этническая идентификация у выходцев из национально-смешанных семей (этносоциологический и этнопсихологический аспекты) // Этнография, антропология и смежные дисциплины: соотношение предмета и методов: Сб. ст. — М.: Институт этнографии АН СССР, 1989. — С. 11–19.

Галкина Е. М. Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей (по материалам этносоциологического исследования в г. Москве): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — 1993. — 26 с.

Исхаков Р. Р. Этническая идентичность в полиэтнической среде (деятельностный подход) [Электронный ресурс] // Заграница. — М., 2000. — URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/5030-3.shtml (дата обращения: 21.12.2020).

Крылова Н. Л. Метисы в России. Размышления о судьбах, культуре, будущем // Крылова Н. Л., Прожогина С. В. Смешанные браки. Опыт межкультурного общения. — М.: Ин-т Африки РАН, 2002. — 320 с.

Крылова Н. Л. Афро-россияне: брак, семья, судьба. — М.: РОССПЭН, 2006. — 576 с.

Носенко Е. Э. Быть или чувствовать? (Основные аспекты формирования евр. самоидентификации у потомков смешан. браков в соврем. России). — М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004. — 400 с.

Носенко-Штейн Е. Э. Формирование этнической самоидентификации у потомков русско-еврейских браков в современной России: Дис. ... д-ра ист. наук [Электронный ресурс] // disserCat — электронная библиотека диссертаций. — 2005. — 546 с. — URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-etnicheskoi-samoidentifikatsii-u-potomkov-russko-evreiskikh-brakov-v-sovremenno> (дата обращения: 21.12.2012).

Румянцева П. Дети смешанных браков. Особенности этнокультурного самосознания [Электронный ресурс] // Педагогический Альманах. — 2001. — № 9. — URL: [http://old.ort.spb.ru/\(Eng\)/nesh/njs9/gumqnc9.htm](http://old.ort.spb.ru/(Eng)/nesh/njs9/gumqnc9.htm) (дата обращения: 21.12.2020).

Синкевич З. В., Безрукова О. Н., Посель Ю. А., Самойлова В. А. Межэтническая семья в современной России. — СПб.: Скифия принт, 2018. — С. 116–117.

Титова Т. А. Этническое самосознание в национально смешанных семьях. — Казань: Форт-Диалог, 1999. — 164 с.

Уалиева С., Эдгар Э. Межэтнические браки, смешанное происхождение и «дружба народов» в советском и постсоветском Казахстане [Электронный ресурс] // Журнальный зал (литературный интернет-проект). — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/u18.html> (дата обращения: 21.12.2020).

Bertaux D. Du monopole au pluralisme méthodologique dans la sociologie de la mobilité sociale. *Histoires de vie, histoires de familles, trajectoires sociales. Annales de Vauresson*. — 1987. — No 26. — P. 305–317.

References

Bertaux D. Du monopole au pluralisme méthodologique dans la sociologie de la mobilité sociale. *Histoires de vie, histoires de familles, trajectoires sociales. Annales de Vauresson*, 1987, no. 26, p. 305–317.

Galkina E. M. *Etnicheskaya identifikatsiya u vyhodtsev iz natsional'no-smeshannyh semej (etnosotsiologicheskii i etnopsihologicheskii aspekty)* [Ethnic identification among people from nationally unmixed families (ethno-sociological and ethno-psychological aspects)]. *Etnografiya, antropologiya i smezhnye distsipliny: sootnoshenie predmeta i metodov: Sb. st. Moscow, Institut etnografii AN SSSR, 1989, pp. 11–19. (In Russian)*

Galkina E. M. *Etnicheskaya identichnost' podrostkov iz natsional'no-smeshannyh semej (po materialam etnosotsiologicheskogo issledovaniya v g. Moskve). Avtoreferat [Ethnic identity of adolescents from nationally unmixed families (based on ethno-sociological research in Moscow). Author's abstract]*. Moscow, 1993. 26 p. (In Russian)

Iskhakov R. R. *Etnicheskaya identichnost' v polietnicheskoy srede (deyatelnostnyy podhod)* [Ethnic identity in a multi-ethnic environment (activity approach)]. *Zagranitsa*, Moscow, 2000. URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/5030-3.shtml (access date: 21.12.2020). (In Russian)

Krylova N. L. *Metisy v Rossii. Razmyshleniya o sud'bah, kul'ture, budushchem* [Metis in Russia. Reflections on fates, culture, future]. *Krylova N. L., Prozhogina S. V. Smeshannye braki. Opyt mezhtsilivizatsionnogo obshcheniya*. Moscow, RAN, In-t Afriki RAN, 2002, 320 p. (In Russian)

Krylova N. L. *Afro-rossiyane: brak, sem'ya, sud'ba* [Afro-Russians: marriage, family, destiny]. Moscow, ROSSPEN, 2006, 576 p. (In Russian)

Nosenko E. E. *Byt' ili chuvstvovat'?* (*Osnovnye aspekty formirovaniya evr. samoidentifikatsii u potomkov smeshan. brakov v sovrem. Rossii*) [*To be or to feel? (the main aspects of the formation of Jewish self-identity among the descendants of mixed marriages in modern Russia)*]. Moscow, IV RAN, Kraft+, 2004, 400 p. (In Russian)

Nosenko-Shteyn E. E. Formirovanie etnicheskoy samoidentifikatsii u potomkov russko-evreyskikh brakov v sovremennoy Rossii: Dis. [Formation of ethnic self-identification among the descendants of Russian-Jewish marriages in modern Russia] *dissercat — elektronnyaya biblioteka dissertatsiy*. 2005. 546 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-etnicheskoi-samoidentifikatsii-u-potomkov-russko-evreiskikh-brakov-v-sovremenno> (access date: 21.12.2012). (In Russian)

Rumyantseva P. Deti smeshannykh brakov. Osobennosti etnokul'turnogo samosoznaniya [Children from mixed marriages. Features of ethno-cultural self-awareness]. *Pedagogicheskiy Al'manah*, 2001, no. 9. URL: [http://old.ort.spb.ru/\(Eng\)/nesh/njs9/rumqnc9.htm](http://old.ort.spb.ru/(Eng)/nesh/njs9/rumqnc9.htm) (access date: 21.12.2020). (In Russian)

Sinkevich Z. V., Bezrukova O. N., Possel' Yu. A., Samoylova V. A. *Mezhetnicheskaya sem'ya v sovremennoy Rossii* [Interethnic family in modern Russia]. Saint Petersburg, Skifiya print, 2018, pp. 116–117. (In Russian)

Titova T. A. *Etnicheskoe samosoznanie v natsional'no smeshannykh sem'yakh* [Ethnic identity in nationally mixed marriages]. Kazan, Fort-Dialog, 1999, 164 p. (In Russian)

Ualieva S., Edgar E. Mezhetnicheskie braki, smeshannoe proiskhozhdenie i «druzhiba narodov» v sovetskom i postsovetskom Kazahstane [Interethnic marriages: mixed origin “friendship of people” in Soviet and post-Soviet Kazakhstan]. *Zhurnal'nyy zal (literaturnyy internet-proekt)*. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/u18.html> (access date: 21.12.2020). (In Russian)

Лурье Светлана Владимировна, доктор культурологии, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Lourie Svetlana V., Culturology Doctor, Ph.D. (History), Leading Researcher, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.
svlourie@gmail.com